

ОЛЬГА КОМАРОВА

“Писатель всегда платит за все валютой собственной жизни: за счастье, за творчество, за любовь, за увлечения...”: О романе Дины Рубиной *На солнечной стороне улицы*

Дина Рубина вошла в литературу 70-х сначала как автор симпатичных юмористических рассказиков из журнала “Юность”, затем как автор того же журнала, пишущий на “молодежную тему”. Рассказы ее запомнились непринужденностью стиля, светлым юмором и добротой. Она уезжала в Израиль в 1990 г. уже имея литературное имя и две книги. Вторая часть ее творческой жизни началась после некоторой паузы с восприятия и осознания новой действительности, открывшейся для нее в эмиграции в Израиль. Прошло 17 лет, и теперь уже Дина Рубина печатается и в Израиле, и в России как признанный писатель, на счету которого около тридцати книг, многие из них переведены на иностранные языки. Теперь Дина Рубина, напряженно вглядываясь и вдумываясь в происходящее, ведет с читателем разговор о вещах вечных и сокровенных. Как признает сама писательница в одном из интервью, ее проза является производным жизни, и соответственно сама она “изменилась как писатель, и как человек – стилистически, душевно, мировоззренчески. И эта проза оказалась интересной не только тем, кто испытал опыт “перемещенного лица”, но и российским читателям, ведь до известной степени вся Россия за последние полтора десятка лет стала “перемещенным лицом”.¹

Первые написанные в эмиграции вещи отражают некоторую растерянность, незащищенность человека, оказавшегося в другом мире и старающегося постичь новые реалии, открывшиеся на “исторической родине”. Героиня повести “Во вратах твоих” (1994) пытается найти свое место в новой для себя реальности, ощущая острый интерес к окружающим ее людям, жадно впитывая новые

¹ Интервью в газете “Вечерняя Москва” 17 сентября 2003г.

зрительные ощущения. С иронией и юмором автор описывает ее работу в нелепой издательской фирме, где героиня, скрывая имеющийся у нее писательский опыт на бывшей родине, вынуждена редактировать абсолютно абсурдные тексты. Главное в ее жизни состоит в стремлении разобраться в системе отношений между людьми, оказавшихся в новых для себя жизненных обстоятельствах. Это дает возможность автору показать целую вереницу разнообразных ярких то комических, то драматических персонажей, занятых своими житейскими проблемами, выясняющими свои личные отношения, ищущими свою нишу в новом и не вполне понятном для них мире – персонажи эти достоверно-жизненны в каждом своем поступке и слове и в то же время совершенно абсурдны по сути. “Нормальный” советский человек, уехавший от привычного абсурда, попадает в другой абсурд – при всем стремлении войти в новую жизнь невозможно уйти от “старой”, новые впечатления вызывают прежние ассоциации, героиня все время путается, не может понять, относятся ли слова “мы” и “наше” к здешней реальности или к прошлой? Персонажи очерчены с таким сочувствием, иронией и юмором, что читатель тоже переживает смешанные чувства – от улыбки до слез. Между тем в стране нарастает ощущение надвигающейся войны, затем война и победа, и на этом фоне постепенно формируется у героини чувство своей причастности к этой древней земле, к ее истории и ее людям. В памяти читателя остаются не только сочно выписанные образы удачливых или не очень удачливых в новой жизни эмигрантов, но и панорама вечного города и открывающегося с Масличной горы вида. Так в творчестве Дины Рубиной зазвучала национальная тема.

В этой повести проявились некоторые черты, характерные для всех ее последующих произведений – известная калейдоскопичность в изложении и мастерская передача устной речи от первого лица. Как признается сама Дина Рубина, особенность ее восприятия в том, что “все идет в дело в нашем ремесле, даже близкие, даже наша боль и наше счастье”.² В современной критике нередко говорят о том, что в последнее время в литературе, и русской и зарубежной, все чаще

² Интервью в газете “Монреаль-Торонто” 18.06. 2003

сближаются, даже сливаются воедино автор и его герой, жизнь писателя и жизнь, им изображаемая, подлинное и вымышленное. Литература становится все более “личностной”. По мнению И. Питляра “наиболее ярко эта черта проявилась в творчестве С. Довлатова, а Дина Рубина тоже все ближе и ближе подходит к той же границе”.³ Это свойство прозы Рубиной остается ее главной характеристикой.

С тех пор Дина Рубина выпустила более двух десятков книг, ездила на презентации своих книг во многие страны Европы и США, выступала с чтением своих произведений на встречах с читателями. Она живет и пишет в Израиле, где литераторы пишут на многих языках, но ее произведения, будь то эссе, романы или рассказы, стали также частью литературной жизни России.

В ее последующих вещах национальная тема переплетается с вечной темой поиска героями себя, своего предназначения в мире. Теперь уже ее печатают и “Новый мир” и “Знамя”, книги появляются почти одновременно и в России, и в Израиле. Писательница переходит к новым формам, пишет не только рассказы, но и повести и романы.

Особый интерес читателей вызвал роман-комикс, как обозначает его жанр автор, “Синдикат” (2004). Роман написан по впечатлениям трехлетнего пребывания в России в качестве главы департамента культурных и общественных связей агентства “Сохнут” в Москве. По словам критика Юрия Васильева эта книга “способна порадовать, как апологетов еврейства, так и рьяных антисемитов.”⁴ С сатирой и юмором автор изображает деятельность некоего учреждения, призванного способствовать усилению еврейской эмиграции из России. Она беспощадна в изображении израильской бюрократии и российских еврейских функционеров, погрязших в мелочной вражде с подобными себе организациями, изобретающими абсурдные проекты вроде поисков “пропавших колен израилевых”, лишь бы использовать выделяемые для работы средства, своего рода “гешефт на костях”, как говорит сама пи-

³ И. Питляр. До смешного жаль... “Новый мир” 1995 N5

⁴ Интервью в газете “Московские новости” 2004. 09.07.

сательница там же. Но главное в романе, как она подчеркивает в этом интервью, – “это вдохновенная песнь моему народу” и добавляет, отвергая упреки в излишней резкости, что “честный художник никогда не посмеет “замазать”, затемнить, замикшировать темные стороны явления только потому, что это относится к представителям его народа”.

Однако Дина Рубина пишет не только на национальную тему и не ограничивается изображением судеб “новых граждан” Израиля, их забавной речи и опыта новой жизни. Она сосредоточена на осмыслении опыта прежней жизни и пытается нащупать порвавшуюся было связь времен.

В этом плане роман “На солнечной стороне улицы”, вышедший в 2006 г., занимает, как нам представляется, особое место в творчестве писательницы. По жанру – это роман-воспоминание и одновременно эпическое полотно, воссоздающее жизнь “ушедшего города”. Действие романа начинается в послевоенном Ташкенте и разворачивается на протяжении нескольких десятков лет, перекидываясь временами то в Америку, то в Израиль. Непростая история отношений матери и дочери, история разрушения одной талантливой личности и становления другой, перерастает в рассказ о жизни целого поколения советских людей, сопровождается не только авторскими воспоминаниями о собственном детстве и юности, о своем ощущении Ташкента, но и воспоминаниями эмигрантов, трепетно хранящих в памяти образ этого города, в каком бы краю они ни оказались. Мощная полифония голосов сливается в восторженную славицу не только прекрасному городу, но и жизни вообще, в славицу человеческому духу, преодолевающему, по словам классика “свинцовые мерзости жизни”.

В этом романе автор мастерски выстраивает сюжет, богатый неожиданными ходами и совершенно убедительный своей внутренней логикой. История одаренной девочки Кати Щегловой, чудом пережившей блокаду и брошенной судьбой в Ташкент, идущей на все в своем стремлении выжить и превратившейся не только в нравственное чудовище, но и в преступницу, контрастирует с судьбой ее дочери Веры, также оказавшейся в нелегких жизненных обстоятельствах, но выстоявшей и сохранившей свой талант. Оба

характера выписаны автором удивительно сочно и убедительно: мать в своей жесткости и цепкости в стремлении к наживе и дочь в своей одержимости живописью и пристальном и отстраненном внимании к окружающему, при полном равнодушии к личному комфорту. В предсмертном разговоре с дочерью Катя признается: “Я всех ненавидела, всех... не было сил жить как человек... Я сама стала злом... Я, Верка, людей убивала” и задает дочери главный вопрос: “Ты с детства... хотела быть другой... К тебе зло не прилипало... Почему? Как ты это поняла?” Ответ дочери прост: “Я ведь художник, мама”. (с. 411)⁵

Однако совсем не так прост ответ самой Дины Рубиной на вопрос о том, что помогает человеку оставаться человеком, а художнику – сохранить и найти свое призвание. На пути вечно голодной, нещадно битой матерью девочки встречаются разные люди, и некоторые из них, привлеченные ее неистовым интересом к жизни, играют огромную роль в ее становлении как художника. Если мать в сходных обстоятельствах полуголодного одинокого существования ожесточилась и посвятила жизнь борьбе за материальные блага, то девочка потянулась к свету, знаниям, к искусству. И на этом своем пути сумела не только усвоить открывающиеся ей уроки жизни, но и сама помочь другим. Один из важнейших персонажей книги – “дядя Миша – бедоносец”, как называет его автор. Подобраный Верой на улице избитый алкоголик оказался тонким и духовным человеком, настоящим учителем жизни для девочки.

Дина Рубина обладает умением говорить очень просто о страшных событиях в жизни не одного поколения советских людей. В истории мальчика Миши, родителей которого арестовали как шпионов, есть один штрих, который делает ее страшной – размышления мальчика о случившемся: “Он, конечно, понимал, что сын за отца не ответчик, но все равно было стыдно и больно, что отец – шпион. Что ему не хватало, отцу – сколько отличных друзей у него было, и как любили его!.. А отец в это время... шпионил?” (с.

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Дина Рубина. На солнечной стороне улицы”. Москва. Эксмо, 2006.

256), и этот стыд ребенка сразу вводит читателя в атмосферу охватившей страну беды. Потерявший родителей в сталинских репрессиях и сам за “антисоветскую агитацию” семь лет помогавший стране “ударным трудом на цементном заводе в лагере под Белгаватом” дядя Миша Лифшиц не только помогает Вере справляться со школьными уроками, но и согревает ее сердечным теплом. Показательно, что автор отмечает его речь, отличную от речи матери и всех соседей: он никогда не сквернословил, и Вера “незаметно переняла его опрятную, округлую манеру выражаться и всегда переходила на этот “дядимишин” язык, когда встречала таких же людей, людей его покроя”. (с. 252) Эти люди “заковыристой судьбы” открывали девочке мир хороших книг, музеев, интересных разговоров, и через много лет впечатления от всего этого станут сюжетами ее картин. Как и сама Дина Рубина, Вера использует в своих картинах весь опыт своей жизни, своих наблюдений за людьми – “почему уже тогда – да и всегда, всю жизнь – она скапливала самое главное на какое-то мифическое будущее, в некий невидимый короб-запасник, где берегла каждое лицо, поворот головы, улыбку, прищур, дорогие слова, сказанные родным голосом?” (с. 285)

В судьбе юной Веры будет много трудностей и утрат – и дяди Миши, и первой любви, которая открыла для нее краски жизни и призвание художника. Но Вера выстояла, лишь ушла в себя, сохранив свой “тяжелый и цепкий взгляд”, который отличает художника. Вся дальнейшая ее жизнь отмечена упорной учебой, а затем и становлением как художника. И, наконец, открытие того, что ее скитания и мучительная одержимость творческими поисками, возвращающими ей старый любимый город и людей ее детства, недостаточны, если человек одинок и не знает любви. Дина Рубина завершает свою историю счастливой встречей Веры с давним и верным другом, который, как оказалось, любил ее всю жизнь. Но автору удается избежать сентиментальности, наградив героев иронией и юмором, поэтому на вопрос Веры о том, не есть ли их история историей Золушки, ее муж отвечает: “Нет, это “Три поросенка” – только третьему и дом удалось построить, и серого волка в него затащить.”(с. 406)

Вся эта сложная история разворачивается на фоне шумного, яркого восточного города, в который волею судеб заброшены самые разные люди – “стихийный интернационал, “Ноев ковчег” (с. 174) Со свойственной ей иронией автор неоднократно упоминает “колониальных белых”, не переставая меж тем удивляться тому, как естественно переплетались судьбы людей в этом городе – и узбеков, и евреев, и русских, и греков – кого только там не было. И устами одного из персонажей, раздумывающего над судьбами ташкентцев, разбросанных по миру, говорит о том, что “с детства варясь в нашем Вавилоне этносов, наций и народностей, мы знали, что человек может быть *другим*, более того: что он всегда *другой*, но надо, надо *существовать*, раз некуда друг от друга деться, что важнее всего – *существовать*, что жизнь на этом стоит!” (с. 366) Выделенные автором слова являются очень важными для творчества Рубиной, потому что возвращают нас к проблемам всего человечества, особенно актуальным для Израиля. И эта глобальность проблемы превращает одну частную историю в эпическое повествование об ушедшей в прошлое эпохе, об ушедшей стране – это тема всех произведений Дины Рубиной.

Удивительно поэтичен воссоздаваемый писательницей город, в котором потянувшиеся в теплые края жулики соседствуют с бывшими аристократами и отсидевшими свое профессорами и диссидентами. Узкие улочки со старыми домишками, снесенные после землетрясения, выстроенный новый город с бездушно каменными громадами раскаленных широченных площадей. Рассказывая об этом, автор развенчивает советский миф о том, что строительство это было необходимо для преодоления последствий землетрясения, тогда как в значительной степени оно было вызвано идеологическими соображениями. С какой болью и горьким юмором автор замечает: “Старый Ташкент был сокрушен в 66-м году подземными толчками и дружбой народов, снабженной экскаваторами” (с. 213) Отметим, кстати, что автор совсем не делает акцентов на идеологическую составляющую тогдашней жизни, но вот такими мелкими точными замечаниями передает как атмосферу жизни, так и свое отношение к описываемому. Совершенно удивительно в этом плане описание исполнения школьным хором песни о Ленине – и не

надо никаких дополнительных рассуждений об идеологическом засилье. (с. 16-17).

Город – это тоже одно из действующих лиц романа, все остальные города лишь контрастный фон, лишенный того солнечного света, который наполняет и согревает жизнь в бедном послевоенном Ташкенте: “Солнце – вот что нас спаяло, слепило, смешало, как глину, из которой уже каждый формировал свою судьбу сам... Все мы были – дети солнца”. (с. 222)

В романе голос автора нередко прерывает повествование. Автор, вспоминая собственное детство и юность, рассказывает о том, как причудливо пересекалась ее жизнь с жизнью ее героини. Иногда, это почти отчаянное заклинание, признание в своей причастности к описываемым событиям: “Да, это я, я ходила к той пожилой учительнице музыки в Веркином дворе, это я чинно шла по кирпичной дорожке, прижимая к животу папку с вечно оторванной веревочной ручкой! Это я, вы слышите, я играла “Полонез” Огинского!” (с. 197) И из такого набора мелких деталей, точно выстроенных слов возникает ощущение полной искренности и достоверности происходящего. Вместе с тем, воспоминания автора порой дополняют историю основных героев, позволяют осветить их по-новому. Так, мимолетное недоумение автора о причинах смерти некоей Маши, ее детской няньки, промелькнувшей ранее в эпизоде детства Веры, получает объяснение только в предсмертном признании Кати в самом конце романа, а порою мы узнаем про судьбы некоторых персонажей из уст самого автора, вплоть до совсем уж неожиданной встречи автора с героиней где-то в Америке, во время которой автор признается Вере, что пишет о ней роман, а затем сама пугается вдруг возникшего ощущения, что, возможно, это героиня пишет роман об авторе. Дина Рубина признается, что “это довольно старый литературный прием, это способ выяснения отношений со своим героем. Когда я работаю над романом, эти люди, мои герои, гораздо более реальны, чем, скажем, настоящие соседи”.⁶ В этом романе автор образно передает свое понимание писательского и человеческого долга: “Я ныряльщик, спасатель...

⁶ Интервью в Lenta.ru 08 декабря 2006 г.

Уходит под воду океана времени мой город, со всеми моими людьми, деревьями, улицами, домами... – так корабль погружается в пучину, со всеми своими пассажирами; и только мне одной дано извлечь из глубины несколько эпизодов минувшей жизни, несколько лиц, несколько сценок, предметов... И нет мне дела до хронологии этого повествования, ибо не существует хронологии в том океане, куда навеки погружаются города...” (с. 229) В этой прекрасной метафоре заложено, как нам кажется, кредо всего ее творчества.

Город ее детства и юности, Ташкент, предстает в романе, увиденный глазами разных людей, жаждущих сказать свое слово о любимом городе. В этом хоре каждый голос обладает своей тональностью, то привносит какие-то новые краски, то призывает не идеализировать прошлое, но всегда с любовью и благодарностью. И еще одной отличительной чертой “этих бывшеташкентских скитальцев” является их язык, как говорит один из них – “правильная русская речь... потому что из года в год прибывало туда волнами разных штормов множество непростой штучной публики”. (с.362)

А еще – Дине Рубиной удается наполнить картинку города солнцем и красками: “Когда я сильно устаю, я вспоминаю вязкий мед ташкентского солнца... Керамический блеск виноградных листьев, тяжелые брусы янтарных, слезных на срезе, сушеных дынь, светящуюся изнутри золотую плоть абрикосов, сладкую истому черной виноградной кисти с желтыми крапинами роящихся ос”. (с. 428) В данной цитате описание ташкентского базара не только красочно, но и почти осязаемо.

Именно в этом романе, сделав свою героиню художником, Дина Рубина особенно тщательно отбирает краски для описания и своего города, и своих героев. Каким контрастом яркости предыдущей картинке является описание вида на американский город, открывшегося героине из окна: “В номере было темно, в черном небоскребе напротив горели четыре разбросанных желтых квадратика окон, словно гигантские небесные игроки в домино уронили игральную кость, и она, прилетев из запредельного космоса, вонзилась вертикально в землю”. (с. 375) Этот образ игральной кости свеж и точен. Жена и дочь художника, Дина Рубина сумела

придать своей героине умение видеть и сумела убедить читателей в ее творческом таланте.

В огромном калейдоскопе крупных и мелких персонажей нет серых, не запоминающихся фигур, множество персонажей в романе являются “штучными”, каждый человек примечателен либо внешностью, либо речью, каждый есть характер. Так, неожиданно элегантная внешность и утонченные манеры алкоголика дяди Миши соответствуют его духовному богатству и благородству, сохранившемуся несмотря на все ужасные события его жизни; а кличка Семипалый не только свидетельствует об искалеченной руке, но и искалеченной душе человека, ставшего преступником. Это персонажи, важные для развития действия в романе. Но запоминаются и второстепенные – Маша со странно бегающими глазами, страшноватая школьная сторожиха Маруся в своих цветастых шароварах – каждая из деталей оказывается “работающей”, оправданной в характере человека и в сюжете повествования.

Некоторые критики упрекали Дину Рубину в том, что в ее произведениях, мастерски воссоздающих сценки, интонацию живой речи, почти отсутствуют описания. “почти как в детективах”. Мне кажется, что к художественной манере автора в данном романе этот упрек не относится. Дина Рубина неоднократно говорила о том, что училась писать по письмам Чехова, а в письмах автор всегда говорит о самом себе, как он себя представляет и понимает, и о других людях, какими он их увидел и понял. Вероятно поэтому Рубина пишет очень просто, точно, ее проза лишена фальши и вычурности, но в этом ее романе много подробных описаний и пейзажей, и психологического состояния героев, причем описания эти всегда уместны и красочны.

Посмотрим, например, как передается детское впечатление Веры от услышанной как-то из больничного окна музыки: “Неподвижные пики старых туй уходили ввысь... Над ними дышало, перемигивалось, клубилось огромными звездами, искрило тлеющими метеоритами и хвостами мелких комет пыльное азиатское небо; неподвижная алюминиевая луна висела прямо напротив окна, гипнотизируя девочку, а из-за ограды парка, из окон какого-то дома через дорогу неслась музыка, рожденная этой ночью, звездным

небом, циклопической луной и одуряющими, мощно встающими над парком, запахами деревьев, травы и кустов...

Низкий мужской голос напевал-проговаривал беззаботную песню, и целая картинка возникала от слияния его хриповатого тембра, ритмично-раскованной музыки и незнакомых слов чужого языка...” (с. 272) Замечательно переданы автором детали знойной южной ночи, абсолютно чувственные и живописные (одна алюминиевая луна чего стоит!), узнаваем и ритм чужой мелодии. Под эту мелодию Вере представится, “как будто они с дядей Мишей идут в те края, где не будет ни матери, ни его запоев, ни тех лет, про которые он не хотел вспоминать... а только улица, ласковое звездное небо и легкий ветерок под хриплый голос саксофона”. Вера запомнит мелодию на всю жизнь, но встретится с нею спустя много лет в Америке и только тогда поймет, *про что* она:”...веселый, притоптывающий, вихляющий задом бродяга шел себе по улице, останавливаясь и отчебучивая задорный степ... и за веселым беспечным бродягой шли они – Вера с дядей-Мишей-бедоносцем... они шли и шурились от солнца, а за ними, приплясывая и напевая, стекались с тротуаров и из переулков все люди ее детства, юности, ее картин”. (с. 402-403) Мелкими деталями измененной картинке обозначает писательница весь долгий душевный путь, пройденный героиней от ребенка – к художнику.

Мелодия “На солнечной стороне улицы” и дала название роману. Эта мелодия не единственное свидетельство причастности автора к музыке – музыка присутствует в романе как отзвук времени – то это пластинка с военной песней, которую любит соседка по двору, то это мелодии молодости родителей автора, то воспоминания о собственной учебе в музыкальной школе. Дина Рубина сказала как-то, что, хотя и не стала профессиональной пианисткой, часто представляет себе свои произведения как музыкальные – написанные с перебивкой тональностей и ритмов, то как соната, то как fuga. На наш взгляд этот роман настолько полифоничен и сложен, настолько совершенен по своей органике, что его можно смело назвать симфонией.

Книги Дины Рубиной неизменно привлекают интерес читателей и отмечены критиками. Она получала литературные премии

в Израиле, а в России ее книги “Высокая вода венецианцев” и “Вот идет Мессия” были включены в список финалистов букеровской премии. В 2006 г. роман “На Солнечной стороне улицы” был удостоен премии “Радио-Букер”, а в ноябре 2007 получил престижную премию “Большая книга”. Дина Рубина не любит, когда прозу делят на “женскую” и “мужскую”, не любит рассуждать о постмодернизме и других “измах”, она продолжает писать в присущей ей манере и, несомненно, является частью русской культуры, успешно продолжая традицию русской психологической прозы.

Summary: “A writer always pays for everything with the currency of her own life – for happiness, creativity, love and fun”: About Dina Rubina’s novel *On the sunny side of the street*

The article deals with Dina Rubina’s novel *On the Sunny Side of the Street*, published in 2006. The writer’s name became known in Russia in the 70-ies when as a young girl she began publishing her first short stories in the liberal literary magazine *Junost’*, and got her first recognition among the reading public as a promising story-teller.

After her emigration to Israel in 1990 a new period in Dina Rubina’s writing started. A new theme made itself apparent in her stories – the theme of Jews from the former Soviet Union discovering their new Motherland, their new experience of living under absolutely different geographical and social surroundings. She managed to create in her stories a gallery of characters almost recognizable in their uncertainty and fumbling attempts at survival. The stories she wrote then were a success with the public not only because of their plot but also because of a peculiar mixture of humour and sadness, and very vivid and convincing speech characteristics of the protagonists, they also witnessed about the awakening of patriotic feelings of the newcomers. Dina Rubina’s artistic style seemed to combine the vividness of the psychological characterization and kaleidoscopic variety of depicted situations.

The novel *On the Sunny Side of the Street* is different both in the topic and in the artistic means used by the author. It is telling a story of two gifted persons, mother and daughter, and their different ways of using their talents.

This particular story is shown on a wide background of different events taking place in Tashkent during some four decades after World War II with a picturesque variety of characters of different nationalities and beautiful scenery, tragic and comic signs of the Soviet time – all this helps to create a panoramic view of both the city and its inhabitants.

The structure of the novel is complicated, the story is often interrupted by voices of former inhabitants of Tashkent telling about their impressions from the town or by the voice of the author telling of her own private experiences and even meetings with the main protagonist, Vera, who is a painter. This fact accounts for the author's masterful use of colourful details both in descriptions of the characters, their speech and the nature.

This novel was rewarded with a special Radio-Booker prize in 2006, and with a very prestigious literary prize "Bol'shaja kniga" in 2007. Dina Rubina has proved that she remains a very important part of Russian literary life.

E-mail: olga.komarova@hum.uit.no